

Феликс ГРЕК

У МИРА
НА ПИРУ

C&K

Феликс Грек
У мира на пиру

«Издание книг ком»

2017

УДК 82-1
ББК 84-5

Грек Ф. З.

У мира на пиру / Ф. З. Грек — «Издание книг ком», 2017

ISBN 978-5-91775-350-8

В книге представлены стихи, опубликованные автором в 10 сборниках за последние 30 лет. В 2015 г. вышел сборник «В стихиях мира и войны», он представлен в Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе в Москве. Феликс Грек – вузовский преподаватель технических дисциплин, кандидат технических наук, всю жизнь дружит с поэзией. Навсегда памяты слова Павла Антокольского: «Ваши стихи талантливы и не похожи на другие. Это главное в любом искусстве...» (1973 г.). Автор не считает эту книгу завершением творческой карьеры. Впереди – новые планы!

УДК 82-1

ББК 84-5

ISBN 978-5-91775-350-8

© Грек Ф. З., 2017
© Издание книг ком, 2017

Содержание

У мира на пиру	6
Сын эпохи	6
Живёт Россия со стихами...	7
Не верьте, что жизнь коротка!	8
Русская поэзия	9
«Браво! Жизнь зародилась не в тине...»	10
«Средь очень сомнительных «эврик»...»	11
«Стихи рождаются не просто...»	12
«Барды, трубадуры, менестрели...»	13
Молитва в разрушенном храме	14
Гимн поэзии	15
Летели лебеди	16
«Ищет коршун тёплые потоки...»	17
Слежу за бегущей строкою...	18
Музе	19
Предостережение	20
Про песенку	21
Это я, господи!	22
Молитва	22
«Мой стакан невелик, но поверь, милый друг...»	23
Не мудрствуя лукаво...	24
Линия жизни	26
Феофан Грек[1]	27
Опыт самоанализа	28
«Чужой судьбы крутые вехи...»	29
«Живу на стрессах, как на углях...»	30
О малой родине	31
Одинокая птица	32
Откровение	33
Моя икона	34
«Я заквашен на старой Таганке...»	35
Мы	36
«Работаю громоотводом...»	37
Я оптимист...	38
Не иронизируйте заранее	39
Пройду я лечения курс...	40
Господи! Как хочется летать!	41
Эх, яблочко!	42
Одиночество	43
Про стресс	44
«Продают моё детство...»	45
«Мы очень не вечные, очень...»	47
«Справочник квартирных телефонов...»	48
Моё открытие	49
Два сюжета	50
Сирин и Алконост	51

Осенний криминал	52
Сонет	53
О себе	54
«Мой возраст схож с прогулкой...»	55
Планета любви	56
«Странный я, ей-Богу, индивид...»	56
«Как просто было б без любви...»	57
Космогоническая гипотеза	58
Неутолённая любовь	59
«Над нами – созвездие Лебедя...»	60
«Я мудреца остановил...»	61
«Её пальцы дрожали, как струны...»	62
«Вы мне приснились явственно и зримо...»	63
Исповедь	64
«Из необозримой удалённости...»	65
«Уже бросался сверху запах лип...»	66
Эхо прошедшего времени	67
«Я по-ребячьи становлюсь неловок...»	68
«Зачем мы из разных эпох...»	69
«Мы сблизились быстро и смело...»	70
«Хотите знать итог...»	71
Прощай, двадцатый век!	72
Обращение к поэту	72
Вступление	73
1900 г.	75
1903 г.	76
1904–1905 гг.	77
1913 г.	78
1917 г.	79
1923 г.	80
1929 г. Год великого перелома	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Феликс Грек У мира на пиру

У мира на пиру

Сын эпохи

Не завидуйте судьбам поэтов, —
Их сиротская слава горька!
Безмятежным теплом не согрета
Знаменитою ставшей строка.
Разделяя несчастье с несчастным,
С победителем жизни – на «ты»,
Он не станет послушным и частным
И чужой не присвоит алтын.
Сын эпохи, её же и нянчит,
Чтобы фальши поставить заслон.
Грудь его – беспокойный вулканчик!..
Вот каким представляется он!

Живёт Россия со стихами...

Первая книга стихов – «Псалтырь рифмотворная» Симеона Полоцкого – появилась в России в 1680 г.

Читают строки с придыханьем,
Бог даст, до третьих петухов...
Живёт Россия со стихами
Уже поболее трёх веков.

А раньше что ж? Всё было ране:
И колыбельной нежный лад,
И по умершему стенанье,
И свадеб песенный обряд,

И каторжан глухое пенье,
И бравый воинский куплет...
Из поколенья в поколенья
Тянулись песни сотни лет.

Стараньем летописных магов,
Не вдруг, в созвездьи древних слов,
На бересте и на бумаге
Расположилась вязь стихов.

Надолго запоздал пергамент —
То не беда: нам век что год...
Живёт Россия со стихами,
Считай, с рожденья своего!

Не верьте, что жизнь коротка!.

Не верьте, что жизнь коротка, —
Она бесконечней Вселенной!
Сладка она или горька —
Вопрос этот второстепенный!

Попробуйте жизнь проследить —
Завязнет во времени память!
Что память? Непрочная нить!
Истлеет, порвётся с годами.

А вашей любви нет конца,
И мысли полёт беспределен!
И некуда выслать гонца, —
Конец в мирозданьи затерян.

Живите всему вопреки,
Уверуйте в чудо и счастье!
А встретится что «не с руки» —
Так это, ей-Богу, не часто!

Неправда, что жизнь коротка,
(Признание суть поражение!), —
Она просто локон витка
В безмолвном и вечном круженьи!

Русская поэзия

*Восторг... отразился в нашей
поэзии, или лучше – он создал её.*

Н.В. Гоголь

Места нет для споров и тем паче торгов,
Как от благовеста – радостная дрожь:
Русская поэзия началась с восторга, —
Справедливой речи в мире не найдёшь!

Нет в вине отрады и в беспутстве оргий,
В миллионных суммах – радости на грош...
Русская поэзия началась с восторга,
Нет в ней скудоумия, ей отвратна ложь!

Выскажу желание – не судите строго,
Я поэт и только, а не гегемон:
Русская поэзия началась с восторга, —
Дай Бог ей продолжиться до конца времён!

«Браво! Жизнь зародилась не в тине...»

*В древней лаве вулканов найдены следы аминокислот.
(Из газет)*

Браво! Жизнь зародилась не в тине —
На вулкане! Да здравствует жизнь!
В пекле лавы нет места рутине,
Нет пощады ни злобе, ни лжи!

Руша своды базальтовых мантий,
(Не бывает прочнее, кажись!),
Самый первый смельчак и романтик, —
В стержне лавы – является жизнь!

С той далёкой поры, по науке,
На грядущие дни, на века,
На Земле извергается гулко
Жизни неугасимый вулкан!

Потому мы по духу не тряпки,
Что зажгли в наших душах костры
Бытия повивальные бабки —
Изверженье, горение, взрыв!

Потому, знать, и пылки по нраву
Мы, прямые потомки огня:
В наших венах кипящая лава
Согревает тебя и меня!

«Средь очень сомнительных «эврик»...»

Нас окружают шедевры...

К. Паустовский

Средь очень сомнительных «эврик»,
Которыми мир наводнён,
Вдруг: «Нас окружают шедевры», —
Слова меня взяли в полон!

Прочь, нудные будни! Всё верно, —
Всмотрись повнимательней, друг:
Шедевры, шедевры, шедевры
Тебя окружают вокруг!

Над скукой хлопочущих улиц,
Сквозь латаный быт нищеты
Лучи красоты протянулись, —
Не знаю, заметишь ли ты?

И облака край золочёный,
И елей разлапистых строй,
И профиль грузинки точёный
Рождают особый настрой!

Не визги сценических оргий,
Не фальшь сантиментов в кино,
Но то, что достойно восторга, —
Не каждому видеть дано!

А тем, кто отмечен печатью,
Не надо роскошных даров, —
Отрадою или печалью
Сердца их полны до краёв!

«Стихи рождаются не просто...»

Стихи рождаются не просто,
Не как обыденная речь:
Для их зачатия и роста
Сил не положено беречь,
Чтоб на пустынном поле духа
Зажечь немеркнущий маяк,
Там, где господствует, по слухам,
Осатанелой силы мрак,
Чтоб стало общим достояньем
Такого обновленья страсть,
Что время или расстоянье
Теряют царственную власть!
В единоборстве чувств и мыслей
Возникнет тот духовный пласт,
Который к святости причислен
И возвышает грешных нас.
Когда ж творение готово —
С восторгом удивляюсь я:
Вновь высшей правдой стало Слово,
Как и в начале бытия!

«Барды, трубадуры, менестрели...»

Барды, трубадуры, менестрели!
Вы сказать ещё не всё успели?
В ваших песнях и речитативах
Всё ли изошрённо и красиво?

Бодро отвечают менестрели:
«Очень мелодичны наши трели!
Мы поём, – признаться нам не страшно, —
Утончённо, тонко и изящно!»

Барды, менестрели, трубадуры —
Деятели песенной культуры!
Вы любовь и верность воспевали?
Клятву вечной верности давали?

Отвечают хором: «Нам отрада
О любви верной петь в балладах!
Струны лютней – крепкие, воловьи —
День и ночь звучат одной любовью!»

Менестрели, трубадуры, барды!
Вы не заразились авангардом?
Тем, что песни до конца разрушил,
Растоптал их пламенную душу?

Поклялись на звонких струнах барды:
«Нет, не заразились – это правда!
Если нужно, – хватит нам отваги, —
Обнажим в защиту песни шпаги!»

Молитва в разрушенном храме

Молитва в разрушенном храме —
Последней надежды оплот!..
Луч света сквозь трещины в камне
По стенке неспешно плывёт.

Плывёт по утраченным фрескам,
По выцветшим ликам святых...
Хоть святость не требует блеска,
Но жалко былой красоты!

И кто-то с зажжённой свечкой,
Шепча, произносит слова
О чём-то насущном и вечном
(А значит, надежда жива!).

К чему упованье на небо?
А разве земля не для нас?
А разве веселья и хлеба
Уже поистрачен запас?

У свечки колеблется пламя,
И будто танцует стена...
Молитва в разрушенном храме, —
Дойдёт ли до Бога она?

Гимн поэзии

Поэзия – врачевательное искусство...

Д. С. Лихачёв

Когда угасает слабеющей жизни светильник
И вечность готова раскрыть ненасытную пасть,
Когда вам прошепчут, что, мол, медицина бессильна,
Тогда верный лекарь – поэзия, входит во власть!

Она не пропишет вам ни порошков, ни уколов,
Слова утешенья – всех снадобий в мире верней!
И строки надежды, и ритмов живительный голос, —
Всё вы обретёте в загадочной этой стране!

Дружите с поэзией! Вместе ликуйте, и плачьте,
И, за руки взявшись, водите лихой хоровод!
Она вам поможет, и боли утихнут, а значит,
В ней сила целебная, не увядая, живёт!

В безоблачный миг, когда счастье вам дарит минуты
И рядом родное плечо (опереться, обнять!), —
С поэзией не расставайтесь надолго, как будто
Она вам не меньше родня, чем отец или мать.

Идите по жизни, шагая легко и свободно,
На пыльной тропе выбивая размеры стихов,
Рассеется грусть, и насытится дух ваш голодный,
Когда распознаете смысл оживляющих слов!

Летели лебеди

Летели лебеди, как ангелы, —
Большие, праведные, стройные.
Куда-нибудь на остров Врангеля,
Где воды хмурятся студёные.
Где нет ни хищника, ни выстрела,
Где всё доселе – первозданное.
Летели лебеди не быстрые,
Не суетные, несказанные...
Летели лебеди над крышами,
Проплыли белыми виденьями,
Но часто-часто грудью дышим мы
От непонятого волнения,
От созерцания величия,
От озаренья мимолётного...

Слёз не размазывай по личику:
Не боги ж – птицы перелётные!

«Ищет коршун тёплые потоки...»

Ищет коршун тёплые потоки,
Чтоб взлететь к лохматым облакам...
Где вы, вдохновения истоки,
Силу придающие строкам?

Как подняться над привычной речью?
Как вдруг слово обретёт крыло?
Быть ему разящею картечью,
Или речь дана нам не во зло?

Отделитесь, зёрна, от половы,
Прорасти, заветная строка!..
Правда ль, что в начале было Слово?
Было! И осталось на века!

Слежу за бегущей строкою...

Очки протираю рукою, —
Снег мокрый идёт – вот беда!..
Слежу за бегущей строкою
На здании биржи труда.

Кого только нет в приглашённых:
Шеф-повар, шофёр и кузнец,
Маляр, медсестра, не лишённый
Таланта скрипач, наконец!

Для дворников – время прилива,
Для мастера делать гроба...
Стою и молчу терпеливо, —
Жду, как повернётся судьба.

Программа прочитана – баста!
А то, чего ждал, – нет как нет:
Никто не потребовал властно
Такую специальность – поэт!

Музе

В плену застарелых иллюзий,
В тумане несбывшихся грёз
Взываю к спасительной музе:
«Избавь от коллизий и гроз!»

Нет женщины в мире добрее —
(Всё прочее – жалкий балласт!),
Она ободрит, и согреет,
И сильную руку подаст.

И ты возродишься, как внове.
Познаешь полёта восторг,
И вновь возвратятся любви
В остывший душевный простор.

И возраст не станет обузой.
И мир воссияет в лучах...
Спасибо, кудесница Муза,
Что дух мой с тобой не зачах!

Предостережение

Тревожит перспектива – я не скрою:
Вдруг атакует нас (итог не прост!)
Какой-нибудь бродяга-астероид,
Диаметром, ну, скажем, в десять вёрст!

Как выживем? Что с нами может случиться?
Друг друга мы отыщем ли во мгле?
Останутся ль следы цивилизаций
На пыльной и безжизненной Земле?

Исчезнут ли в жестокости коллизий
(Прошу простить за обнажённый бред!)
Богатство, процветанье, бедность, кризис,
Эмоции, любви, интеллект?

И этот призрак, этот меч Дамоклов
Диктует нам жизнь изменить до дна:
Давайте, пока наша речь не смолкла,
Друг друга будем понимать сполна!

Мы были опрометчивы порою...
Даруйте ближним доброту и свет,
Покуда злополучный астероид
Нас не окутал покрывалом бед!

Про песенку

Перестали издавать песенники —
Может быть, перевелись песельники,
Неужели будем вечно, несуразники,
Удалого Хасбулата петь на праздники?
Скуповато наше времечко на песенки,
Они в небе, говорят, да нету лесенки!
Есть у песни злые вороги-соперники, —
Шумные бездарности да ёрники.
Ржёт попса свои куплеты – пошлость вёдрами,
Масс-культура хвастается бёдрами.
Нам бы песенку, как женское объятие,
Чтобы мы к любви порывы не утратили,
Чтобы песня породила нас, разрозненных,
Шибко дружных, с перебранками да с кознями.

Это я, господи!

Молитва

Благоговею перед чудом —
Обычной явью бытия:
Что я живу заботой буден,
Что не ушёл из жизни я!

Благодарю тебя, Создатель,
За лишний день и лишний час!
Я не грущу о скорбной дате,
Что тайно поджидает нас.

Благодарю тебя за солнце,
За ночь, за таинство огня.
За то, что злополучный стронций
Злым бесом не проник в меня.

Благодарю, что я не нищий,
Что есть пока очаг и кров,
За то, что красотой насыщен
Я в этой жизни до краёв!

Благодарю за то, что с детства
Луч удивленья не погас
И что в трясине благоденствии
Я, слава Богу, не погряз!

«Мой стакан невелик, но поверь, милый друг...»

*Мой стакан невелик,
но я пью из своего стакана.
Альфред Мюссе*

Мой стакан невелик, но поверь, милый друг,
Зелье в нём всех бальзамов целебней, —
Там настойка из слов, возвышающих дух,
Там живая вода откровений.

Мой стакан невелик, но достанет его,
Чтобы многих спасти от напасти,
Кто от жизни не ждёт уж давно ничего —
Ни любви, ни заботы, ни счастья!

Мой стакан невелик, не питейный сосуд,
Но вино в нём особых кондиций,
Там закваска – добро, а не злой пересуд, —
Виноделу есть повод гордиться!

И хоть мал мой стакан, – уместится в ладонь,
Вы о нём не судите заране!..
Пейте власть из него, – вспыхнет в сердце огонь,
И любовная страсть не увянет!

Не мудрствуя лукаво...

Живём, о жизни мудро рассуждая
И сравнивая с прежним бытиём:
Не кажется ли старина седая
Милее, чем теперешний содом?

У всех поживших есть единый признак —
Им по душе минувшего черты.
Скорей всего, до самой горькой тризны
Так точно будем мыслить я и ты!

Как проявленья жизни многолики:
То блеск вершин, то темь сырых низин,
То стон печали, то восторгов крики,
То на макушке славы, то в грязи!

Вопрос не прост – когда мы лучше жили?
Чем опьянил нас вольности угар?
Мои рубли в швейцарском Куршевеле
Просаживает бойкий олигарх!

Мои рубли текут в трубе на Запад,
Минуя беспардонно мой карман.
Не пахнут деньги, но особый запах
У тех, что мне достались не дарма.

И мне совсем не ясно: кто я? что я?
Ещё не бомж, уже не гражданин!
Какие-то подорваны устои...
Да были ли устойчивы они?

Но, несмотря на все мои потери,
Просчёты, и печали, и т. д.,
Как прежде, люди молятся и верят,
Как прежде, чахнут в праведном труде.

Не в силах нас стравить на потасовку
(Устал народ, пройдя девятый вал!),
Замыслил дьявол хитрую уловку —
Жизнь превратить в бессрочный карнавал!

Как дух людской подвергнуть оскотлению?
Сочинены приёмы не вчера, —
И кабаков бесщётное скопление,
И зрелищных вертепов мишура.

Мне жаль нестойких, откровенных, юных!..
Как уберечь их от потоков лжи?
Какие в их душе затронуть струны?
Как объяснить им, что такое жизнь?

Феофан Грек¹

Мой пращур – Феофан —
По фрескам был мастак!
Художник – не профан,
Но всё ему не так!!

И деисус – как стих,
На солнечном луче,
И образы святых
В трагическом ключе!

И живопись была —
Стремительней орла!..
Сияют купола
Московского Кремля!

Ищу до сего дня.
Весь в праведном труде.
Что я ему родня, —
Хоть на седьмой воде!

Причислен он навек
Почти что к божеству.
Однофамилец Грек —
Пока его зову.

Такая канитель —
Доказывать родство!
Ведь божество – не цель,
Стремленье – божество!

¹ Византийский и русский художник XIV–XV веков. Расписал более 40 церквей (Константинополь, Москва, Новгород, Нижний Новгород).

Опыт самоанализа

Увы! Не личность я и не субъект —
Во мне толпа людей разнообразных:
И симпатичных (скромных!), и развязных, —
И трудно цельный воссоздать портрет.
Я – образец лоскутных одеял,
Поскольку скроен из противоречий.
И догмам общепринятым перечу, —
Понятно, что отнюдь не идеал!
Но всё же есть какое-то зерно,
Которое во мне живёт и зреет:
Оно моё, оно лишь мне дано,
Оно досталось мне не в лотерею!
Но ведь зерно ещё не колосок, —
До ранга хлеба путь его неблизкий!
Вдруг упадёт оно в сухой песок, —
Как велика тогда опасность риска!
Как поступить? Что делать суждено,
Чтоб проросло заветное зерно?

«Чужой судьбы крутые вехи...»

Чужой судьбы крутые вехи
С моей стыкуются судьбой:
Есть отклик в каждом человеке, —
Но не откликнется любой.

Откликнись – не бесстрастным эхом,
А чутким отзвуком души!
Всели надежду в человека
И, сделай милость, поспеши!

Спеши, пока ещё возможно
Предотвратить напасть и скорбь,
Пока призывно и тревожно
Грохочет барабана дробь!

Спеши! Добро всегда зачтётся:
Вдруг с тем, к кому был добр я,
Нам пить из одного колодца
Придётся чашу бытия?

«Живу на стрессах, как на углях...»

Живу на стрессах, как на углях,
Как на гвоздях индийский йог!..
Сбежать бы завтра в тихий Углич, —
Там к человеку ближе Бог!

А время катит, как по рельсам, —
Без остановок, без преград...
По правде говоря, без стрессов
Как был бы скучен мой уклад.

О малой родине

Нет у меня «малой родины»
С домиком в три окошка,
С кустиком красной смородины
И лубяным лукошком.

Нет у меня «малой родины» —
С заливными лугами,
С заботами огородными,
С дремлющими стогами.

Завидовать ли наследникам
«Таджмахалов» дощатых,
Бревенчатых срубов пленникам,
Коиx рой непочатый?

Увы! Деревни усталые,
Как ни крути, – фантомы!
Исчезнут «малые родины», —
Время затянет в омут!

А я ненасытен сказочно,
Мне подавай всё разом:
Юга красу загадочную,
Севера блеск алмазный!

Заснеженных гор вельможности,
Сумрачный мир таёжный...
Без этого жить возможно ли?
Кому-то и возможно!

А время ставит пародии, —
Вот только финал трагичен:
Любил я большую родину,
Как древний бард Беатриче.

Когда все дороги пройдены,
Зачем мне копить полушки?
Куплю я «малую родину»
В чахленькой деревушке!

Одинокая птица

Одинокая птица сиротливо летит в поднебесье, —
Распростилась со стаей, видно, жаждет свободы иной.
А под нею – леса, мегаполисы, реки и веси —
Всё, что кратко зовётся в человеческом наречьи страной.

Распростилась со стаей, а суровый вожак не заметил:
Он вперёд устремлён, ему важно не сбиться с пути,
Он сверяет дорогу и с Полярной звездой, и с кометой...
Удивились товарки, но наказ непреклонен: «Лети!»

Вот опустятся разом на знакомом кормящем болоте,
Друг у дружки добычу начнут вырывать под галдёж,
Стоя, будут дремать, клекотать на одной той же ноте.
И одна будет радость, и одна боязливая дрожь.

И неведомо им, что такое любить, чем гордиться...
Горделиво летит в поднебесье одинокая птица.

Откровение

Не обижу ни зелень, ни живность,
По лесам совершая вояж!..
Жёлтой иволги посвист призывный
Восприму, как торжественный марш!

Отмеряю свои километры,
А со мной, не касаясь земли,
Соревнуются лоси и ветры, —
Не догонишь, хоть Бога моли!

Километры мои, километры, —
Не уйти от любви и тревог!
На ветвях оставляю, как меты,
Строки песен – издержки дорог.

Но в пылу наступающей жатвы
Обделённым не числю себя:
Будут песни звучать, словно клятвы,
Журавли отзовутся, трубя!

Моя икона

Какому следуя закону,
Каким неписанным статьям,
Кровоточит моя икона —
Предвестье горестным страстям!

В плену высоких технологий,
Увы, никак не объяснить,
Как вихри смуты и тревоги
К иконе протянули нить.

В чём суть величия иконы?
Кто дух вселил в древесный срез?
Как, восприняв мольбы и стоны,
Она нести поможет крест?

Всезнайка скажет: «Биополе!
Поток невидимых лучей!..»
Но чья-то изменялась доля,
Когда он обращался к ней!

Я рос во времена неверья
(Точнее, веры в постулат!).
Теперь подсчитывай потери
От многочисленных утрат!

А в мире снова беспокойно —
(Наверное, фатальный год).
Кровоточит моя икона
В окладе сердца моего!

«Я заквашен на старой Таганке...»

Я заквашен на старой Таганке,
На любимовских добрых дрожжах...
Беспощадной эпохи подранки
В тесном зале от страсти дрожат.
Единение в зале – гранитно
(Верный знак благородных кровей!)
Мы сошлись на вечерней молитве,
Чтобы стать на крупицу новей!
Помню я, позабыв всё на свете,
Плыл в толпе, будто в бурной реке,
То с мольбой: «Есть ли лишний билетик?» —
То с запиской Булата в руке.
До сих пор под сердечной аортой
Ощущаешь отчётливо ты
Холодок от ночного полёта
И восторг от большой высоты!
Всё распалось, – и мир стал сиротский,
Но, как прошлого преданный страж,
Промелькнёт, улыбаясь, Высоцкий
И растает, как в небе мираж!

Мы

Мы, как мосты, разведены,
Как разделённый лик иконы —
Две горечи одной вины,
Две буквы одного закона.

Мы – недопетой песни два
Надрывно-бравые куплета —
(Не дай Бог, оборвут слова
Два выстрела одним дуплетом!).

Мы крутим колесо времён —
Две неустанные педали,
Пусть разных судеб и имён —
Две стороны одной медали.

Мы красим в разные цвета
Своих и недругов, и друзей, —
И верховодит клевета,
И верх берут хула и ругань.

Кто нас сольёт в один поток?
Какой мессия нас рассудит?
Кому под силу завтра будет
Бескровно подвести итог?

«Работаю громоотводом...»

Работаю громоотводом:
Удары молний на себя
Воспринимаю год за годом,
Живую плоть свою губя!
Людские поглощаю муки,
Иду за ближнего в острог,
И горечь от чужой разлуки
Себе суммирую в итог.
Приму, как должное, укоры,
Что бьётся у меня внутри
Не сердце, а ларец Пандоры, —
Попробуй, крышку отвори!
Но я смиренью недоступен,
Поскольку знаю: клич к добру,
Прости, Господь, водица в ступе,
Когда добро без сильных рук!

Я оптимист...

Я оптимист! Не хуже вас:
Бог даст – переживу потери!..
Как надоело выживать,
Как хочется любить и верить!

Как жажду я спокойных слов
И глаз – улыбчивых и добрых!..
(В портретах старых мастеров
Подчас такой встречаешь образ!).

Как надоело враждовать
По поводу путей и судеб:
Мать или нищая вдова —
Каков удел России будет?

Как ни горюй, как ни скули,
Но время – беспощадней плахи:
Припишут лишние нули
К цене мелованной бумаги.

И я тогда спущусь к реке
Сквозь перепутанные дебри,
Чтоб хворостинкой на песке
Опять писать свои шедевры.

Я – оптимист! За то – почёт!
Но я молюсь небесным силам, —
Пусть женщина одна прочтёт
Стихи, пока вода не смыла!

Не иронизируйте заранее

Не иронизируйте заранее —
(Смех – предвестник грусти и тоски!):
У меня над головой – сияние,
Ощущаю – давит на виски!

И за что мне почести оказаны?
Этот нимб мне вроде ни к чему!
Как тут быть – печалиться иль праздновать?
Я вконец растерян, не пойму!

Всё из рук, как говорится, валится,
Лишь увижу в зеркале лицо:
Даже сквозь ушанку пробивается
Золотое светлое кольцо!

За святого не сойду – не верится —
Не признает православный люд!
Может, согрешить, – и нимб рассеется?
Я, наверно, так и поступлю!

Пройду я лечения курс...

Пройду я лечения курс —
И буду здоровым... Но так ли?
Исчерпан «системный ресурс»,
А попросту – силы иссякли!

А надо добраться бы вплавь
На тот приснопамятный берег,
Где был я отчаянно прав
И в счастье безудержно верил!

Неужто нырнуть не смогу
В кипящий котёл ощущений?
Неужто на том берегу
Лишь полузабытые тени?

Сижу, тишину стерегу,
Ругаю себя мелким трусом...
А если доплыть я смогу, —
Зачем мне лечебные курсы?

Господи! Как хочется летать!.

Господи! Как хочется летать!
Самому— без «боингов» и «илов»,
Позабыв невзгоды и лета,
Стариной тряхнуть, расправить крылья!

Кажется, что всё предрешено:
Шлем на голове, родня не против,
Робкое сомнение прошло,
Разбегусь, подпрыгну – и в полёте!

Я б на крылья руки обменял
(Обниматься можно и крылами!),
Вы б смотрели снизу на меня
Удивленно-нежными глазами.

Я парить безмолвно не смогу,
Я бы пел слова любовных гимнов,
И простил бы подлости врагу,
И поведал о мечтах интимных!

Если страсть к полёту гонит сон, —
Значит, вы из племени крылатых!
Вам податься к журавлям резон
Или к чайкам – выбор здесь богатый!

Эх, яблочко!.

Мне не этого яблочка хочется,
Что маячит на уровне глаз —
Там, вверху (подказала пророчица),
Плод созрел для кого-то из нас.

Он горит яркой краской парадности,
Будто Солнца двойник, этот плод,
Сколько он вдохновенья и радости
Даст тому, кто его обретёт!

Ближе к Богу растёт это яблоко, —
Оттого и особая статья.
То, что ниже, – гляди, оно дрябло как,
Да к тому ж кожура нечиста!

Лезу вверх, – сучья с треском ломаются,
И в кровавых царапинах лоб...
Не один я – так многие маются.
Доберусь – не кричите мне «Стоп!!

Одиночество

Мне пророчат: будешь один!..
Незадачливое пророчество! —
Да, я сам себе господин,
Но со мною моё одиночество!

Нет причин на него пенять, —
Как любовница и невеста,
Понимает оно меня
С полуслова и полужеста!

Но людей я не сторонюсь, —
Не затворник я и не инок,
Напишу стихи и вернусь
К яви медленной и рутинной.

Я один? Это злой навет!
В тайный час, рассуждая строго,
Разговор веду тет-а-тет
Со Вселенной и даже с Богом!

Про стресс

От любви, от горя, от чудес
Человек испытывает стресс.
К славе ты идёшь или на крест,
Неизменный твой попутчик стресс!
Что же делать, если в душу влез
Этот самый пресловутый стресс?
Говорят, что волн ритмичный плеск
Будто бы с тебя снимает стресс...
Может быть, поможет винный трест
Пережить кому-то сильный стресс?
Не ослабнет к жизни интерес,
Если у меня исчезнет стресс?
Кто подскажет адрес зланных мест —
Там, где люди победили стресс?

«Продают моё детство...»

*Продаётся бывший пионерский лагерь.
Из газет*

Продают моё детство:
С молотка красногалстучный лагерь!..
Черноусые дядьки банкноты швыряют на стол...
Были б лишние средства, —
Всё б отдал я мальчишней ватаге,
Чтоб бродили в сосновых лесах и играли
в футбол.

Будут в лагере скоро:
Ресторан и стриптизик фривольный,
Номера с мебелировкой для очень богатых
людей.

Пацанов примет город, —
Будут мыть «мерседесы» и «вольво»
И бродить вечерами по пыльным телам
площадей.

Жизнь пойдёт по наклонной,
Будут звякать в карманах деньжонки,
И потянется к рюмке худая по-детски рука...
Быт убогих колоний,
И казённый покров одежонки,
И на воле потом жизнь, по сути, увы, не сладка!

Кто ж проявит заботу
О своей, человеческой, смене?
Их бы к морю отправить, одеть, накормить,
обласкать!

Но дороже банкноты
И блеск драгоценных камней,
Да по западной жизни такая печалит тоска!

Время – критик суровый,
Время судит, бывает, жестоко!
Если взялся рулить, – надо лоцию знать
назубок.

Разрушая основы,
Ну какого добьёмся мы проку?
На хромой лошадёнке – какой же ты, к чёрту,

ездок?

«Мы очень не вечные, очень...»

Мы очень не вечные, очень!
Хотя и мечтаем о том...
Уже неуютная осень
Почти дописала свой том.

И мы со своею печалью
(Грусти, мой ровесник, грусти!)
Попали в главу примечаний,
Что набрана шрифтом «петит».

Там сведений край непечатый
Для тех, кто упрям и умён...
Ах, только б среди опечаток
Не встретилось наших имён!

«Справочник квартирных телефонов...»

Справочник квартирных телефонов
За какой-то старый-старый год...
Он в почёте был во время оно,
А теперь – чулан его оплот.

Я его листаю увлечённо, —
Там фамилий именитый ряд:
Музыкант, спортсмен, поэт, учёный —
Личностей ярчайший звездопад!

С каждым были мы почти родные,
Это не опишешь парой слов,
Были времена совсем иные —
Без волнений и без катастроф.

Вот подчёркнут номер красным цветом...
Боже мой! Да это ж номер той, —
Той, что лучше не было на свете,
Когда был я парень холостой!

Сколько раньше пел я дифирамбы!
А теперь на каждом на листе
Имя абонента в чёрной рамке:
Нет на свете повести грустней!

Два сюжета

Я вспоминаю это, как во сне:
Камин, подсвечники, элегия Массне,
Красивых женщин непорочный круг,
И круг мужчин, где каждый – кровный друг.

Достаток и уверенность во всём,
Где каждый взгляд загадочно весом,
И не сосёт под ложечкой тоска.
И боль не постучится у виска.

Но вдруг иной проявится сюжет:
Застолье (но стола-то, впрочем, нет!),
В Голодной степи – глиняный сарай,
Мы там сидим, жуём... Ну чем не рай!

Кто из ребят добыл отличный жмых?
Пока жара – жуём беспечно мы.

Мы – пятиклассники. Попробуй одолей
Безбрежье этих хлопковых полей!
У солнца – нрав тирана: жгуч и крут,
И будет долог наш нелёгкий труд!

В Ташкенте мамы молятся за нас,
Безмолвствует осиротелый класс.
Скорей домой! Дождаться бы конца!..
А дома – «похоронка» на отца...

Сирин и Алконост

И радость, и печаль
Туманный день принёс,
А на моих плечах —
Сирин и Алконост.
Когтями тело сжав,
Две птицы с двух сторон
Ревниво сторожат
Мой ненадёжный трон.
Я взят в почётный плен, —
На золотой поднос
Легла двойная тень —
Сирин и Алконост.
Два полюса души —
Иных оттенков нет,
Всё прочее – гроши,
А мелочь не по мне!
Устойчивый канон —
Единство двух начал:
Сирин и Алконост —
То радость, то печаль!

Осенний криминал

Я топчу красоту, – я, наверно, преступник воистину!
Осудите меня по какой-нибудь строгой статье:
Под моими ногами золотые кленовые листики, —
Я по ним каблуками! По такой красоте!

Листья кроют асфальт, и не выдумать краше орнамента, —
Перед ним побледнеет легендарный персидский ковёр!
Клёны сбросят наряд, оголяясь в азартном беспамятстве,
Не стыдясь наготы, лишь бы нам подарить свой фавор!

Вы простите меня, золотые мои, пятипалые!
Нынче в мире подлунном топтать красоту – не порок!
Может, люди черствы, может быть, они слишком усталые
Нам ходить по живому, увы, не впервой, – был бы прок!

Прочь, несносная мысль! Красота ведь не детище случая, —
Она может сгореть, но из пепла восстанет в сто крат!
Красота, скажем мудро, субстанция очень живучая, —
Клён весной нам докажет, что это простой постулат!

Сонет

В пределах лет, отпущенных судьбой,
Постигнуть жажду бытия загадки.
В насмешку надо мной (и над тобой!)
Они всю жизнь играют с нами в прятки.

Зачем живём? Кто может дать ответ?
Вот первая загадка из загадок!
Чтобы пролить, как говорится, свет,
Он должен быть необычайно ярок!

И не узнать, не разрубив узла,
Сплетенья тайн и вековой привычки:
Кто победит в борьбе добра и зла,
И как с потомством не утратить смычки?

Увы! Мои года, наверно, кратки,
Чтоб разрешить подобные загадки!

О себе

*О себе говорить неудобно,
но очень хочется!*

Ф. Раневская

Я, течением жизни влеком,
Много пожил. Наверное, слишком!
Не зовите меня стариком, —
Я ведь попросту старый мальчишка!

Опыт жизни – не мёртвый балласт,
Он умножит моё удивленье,
Идеал красоты не продаст,
Не погасит благое горенье!

Я с годами не скис и не сник, —
Только тени длинней и темнее.
Я такой же, как был – озорник,
Может, в чём-то ещё озорнее.

В стычках века, в сраженьях идей
Синяки набиваю и шишки...
Жду поддержки от верных людей, —
Где вы там, одногодки-мальчишки?

«Мой возраст схож с прогулкой...»

Мой возраст схож с прогулкой в минном поле:
Ногою на взрыватель, – и темно!..
Пока брожу и радуюсь приволью,
Не тороплюсь принять, что суждено!

Две темы всепогодны и расхожи:
Любовь и возраст – их не обойти!
О первой пишут до сердечной дрожи,
И со второй мне тоже по пути.

Я этих тем не стану сторониться,
Придерживаясь мысли мудреца:
У возраста очерчены границы,
Любовь была и будет без конца!

Планета любви

«Странный я, ей-Богу, индивид...»

Странный я, ей-Богу, индивид
(Эта мысль во мне давно окрепла):
Каждый год сгораю от любви,
Чтоб потом опять восстать из пепла!

Говорят, что смерть – любви сестра
(Афоризм меня приводит в трепет!), —
Будет час последнего костра
И остывший (без искринки!) пепел.

Но покуда дух мой без оков, —
Пусть стихи звучат, как гимн, не лепет, —
Буду славить вечную любовь, —
Ту, что не сгорает в чёрный пепел!

«Как просто было б без любви...»

Как просто было б без любви:
Ни ревности, ни расставаний,
Ни треволнений, ни стенаний, —
Рекой спокойствия плыви!

Как просто было б без любви, —
Ни суицидов, ни дуэлей, —
Все были б живы, все при деле:
В охапку счастье лови!

Любовь! Откуда ты взялась?
Каких начал ты продолженье?
Кто дал тебе такую власть,
Чтоб космос приводить в движенье!

Как просто было б без любви, —
Без этих каверзных вопросов,
Без кувыркания с откосов!..
Но не получится! Увы!

Космогоническая гипотеза

Земля-то не на трёх китах,
А на одной любви покоится!
Стою на том, что это так.
И знаю, что за этим кроется!
Чтоб ведать, как земля кружит,
Чтоб узел развязать запутанный,
Пасут учёные мужи
Всевидящее стадо спутников.
Но тратить средства не резон,
Поскольку знаю я заранее, —
Итог науки предрешён:
Любовь – основа мироздания!
Любовь – Вселенной колыбель,
Причина вечного движения...
Дарю гипотезу тебе
И не предвижу возражения!

Неутолённая любовь

Неутолённая любовь,
Осколком вросшая у сердца,
Как дальний свет ночных костров,
Возле которых не согреться!

Пускай очерчен брачный круг —
Второй любовью или третьей,
А первая уйдёт не вдруг, —
На собственной судьбе проверьте!
Она годами будет жить,
Звенеть лирической струною,
И сквозь цветные витражи
Пытаться говорить со мною,
И приходить в тревожном сне
Так ощутимо, будто в яви,
И тенью красться по стене,
И пламенеть в вулканной лаве...
Текут себе за днями дни,
И радости порой не густо,
Одна отрада – бьёт родник
Неутоляемого чувства!

«Над нами – созвездие Лебеда...»

Над нами – созвездие Лебеда,
А мы – на постылой Земле...
В молчаньи, в желании, в трепете
Стоим и не можем взлететь!

Не можем поведать желанное, —
Слова вызревают не вдруг.
Как будто какая-то странная
Запретная зона вокруг!

Тому распростёртому Лебедю,
Что тянется Млечным Путём,
Не скажешь ты: «Экая невидаль!
Бывают получше! Уйдём!»

Он символом вечной крылатости
Парит над Господней Землёй!..
Полёт – упоение радостью,
Лишь вовремя крылья раскрой!

Минуют часы и столетия...
От взоров людских затаясь.
Под знаком летящего Лебеда
Рождается юная страсть!

«Я мудреца остановил...»

Я мудреца остановил, —
Вопрос был к старику:
– Когда напишут о любви
Последнюю строку?

Старик был очень удивлён —
Откликнулся не вдруг.
Казалось, притворялся он,
Что был не в меру глух.

Мудрец с ответом не спешил
(Степенность – знак ума!),
Он рылся в тайниках души,
Как будто бы дремал.

Но вдруг, блеснув зрачками глаз,
Он мне сказал в ответ:
– Написано немало фраз,
Их повторял весь свет.

Когда грядёт глобальный крах, —
Всеобщая беда,
И превратятся в жалкий прах
Гиганты-города.

Последний житель на Земле,
Свидетель катастроф,
Напишет кровью на скале:
«Да здравствует любовь!»

«Её пальцы дрожали, как струны...»

Её пальцы дрожали, как струны,
И ресницы скрывали глаза...
Мы тогда были чисты и юны, —
Ах, вернуть бы те годы назад!

Всё казалось пронизано светом,
В мире не было чёрных теней.
Я тогда не дождался ответа, —
Мы расстались на тысячи дней!

Нынче время иной круговерти
И иные пристрастья в цене,
Но, как прежде, как прежде, поверьте, —
Та же страсть оживает во мне!

Снова встретиться – горько и трудно:
Не придуман душевный бальзам!
Будут пальцы дрожать, словно струны.
И потуплены будут глаза!

«Вы мне приснились явственно и зримо...»

Вы мне приснились явственно и зримо, —
Ах, если б сны сбывались наяву!
Была бы жизнь моя неповторима,
Но, всё равно, — я вами лишь живу!

В цепочке дней бесчисленных и серых,
Когда надежды ускользает тень,
Я сохранял негаснущую веру,
Что встречу вас в один желанный день!

Всё было так, как я в мечтах лелеял:
Разлука прервалась в единый миг —
Мы в той же старой липовой аллее,
И та ж листва застенчиво шумит!

Не знаю, мы другие или те же,
Но прежняя в душе проснулась страсть. —
Так пусть она нас в горестях утешит,
Не даст в пути сломаться и упасть!

А время, равнодушное, как камень,
На всё набросит забытья покров...
Идут века, но властны над веками
Привязанность, и дружба, и любовь!

Исповедь

Вот существо идеи
(Искренне говорю!):
Верно, что не надеюсь,
Просто боготворю!

Сердцем не охладею,
Вечным огнём горю,
Царством одним владею:
Молча боготворю!

Время не друг, – седею
И становлюсь угрюм,
Роща годов редет...
Пусть! Я боготворю!

Имя её рифмую,
Ради неё творю.
Нет же, не напрямую, —
Втайне боготворю!

В царстве у Берендея
Жмусь к огоньку, курю...
Может быть, я надеюсь,
Если боготворю?

«Из необозримой удалённости...»

Из необозримой удалённости,
Можно бы сказать – уже «из тьмы»,
Вдруг нахлынут детские влюблённости,
Будто бы сирень среди зимы!

Явственно, контрастно, осязаемо
Прошлое возникнет наяву!
До сих пор влюблённостью терзаемый,
Потому, наверно, и живу!

Время издевается и дразнится, —
Шлейф забвенья тянется вослед...
Девочки! Мои четвероклассницы!
Вам уже седьмой десяток лет!

Мы расстались до войны... Вы помните
Среднеазиатский гарнизон?
Время всё смешало в бурном омуте
(Говорят, – велик диапазон!).

Положите хоть тысячелетия
Между тем, что было и что есть, —
Всё равно, пока живу на свете я, —
Буду помнить первой страсти весть!

«Уже бросался сверху запах лип...»

Уже бросался сверху запах лип
В горячие объятия июля,
И дальних громов недовольный хрип
Тревожил в полдень работающий улей.

Уже стекали росы по утрам —
Обильные и щедрые, как реки,
И облака выстраивали храм —
Большой и белый, жаль, что не на веки!

Косили травы в заливных лугах,
Язи на стрекозу клевали дружно,
А у меня не унимался страх,
Что я для вас далёкий стал и чуждый!

Ещё до листопада долог срок,
И до отлёта птиц, считай, что вечность...
Я к вам вернусь, переступлю порог,
Для нас весна не будет быстротечной!

Менялись дни, гудели провода,
И Персеиды сыпались и гасли...
В каких календарях любви страда
Отмечена, как праздник, – ярко красным?

Эхо прошедшего времени

Нищий мир – наркоман и калека,
Не ходить нам по общей тропе!..
Облик женщины прошлого века
Мне почудился в гулкой толпе.

На параде безликих кварталов,
Где былого теряется след,
Не былинное чудо витало, —
Просто женщина шла по земле.

Нет, не просто! Сотри эту фразу!
Простоту не стыкуешь с мечтой!
Идеал романтических сказов,
Он, по собственной сути, святой!

Как живётся ей в нашей юдоли —
В суете, в маяте, в тесноте?
Кто она – Натали или Долли?
Или вовсе прозванья не те?

Я промедлил, – она растворилась,
Как туман, как фантом, как мираж...
Боже мой! Помоги, сделай милость, —
Пусть она возвратится хоть раз!

Всё ушло в ненасытную Лету,
Но остался немислимый груз:
Обаянье старинных портретов
И романсов тревожная грусть!

«Я по-ребячьи становлюсь неловок...»

Я по-ребячьи становлюсь неловок,
Когда тебе довериться хочу.
Но я разрушу стены недомолвок, —
Влюблённому и это по плечу!

Спроси, что хочешь, – выскажу, не струшу,
Для слов моих галактики тесны! —
Так обнажают насыпи всю душу
На исповеди мартовской весны.

Весна – моя беда, моя вина!
Чем потчешь: и горько мне, и сладко...
Над миром – голубая глубина,
И в ней я растворяюсь без остатка!

Поставлю песню в сердце на постой,
И сердце запоёт – транзистор старый!..
Пробьюсь ли сквозь сиреневый настой
К тебе по скверам и по тротуарам?

И наконец в моей – твоя ладонь,
Как будто воробей в гнезде орлицы!..
О, май священный! У твоих мадонн
Не нимбы загораются, а лица!

Весна пришла – лукава и нежна,
Нам по душе пришлись её порядки!..
Над нами – голубая глубина,
А с нами ночи – песенны и кратки!

«Зачем мы из разных эпох...»

Зачем мы из разных эпох,
Из разных веков и созвездий?
К чему сожаления вздох
О том, что не встретились прежде?

В том «прежде», наверно, тебя
Ещё пленали, лелея,
А я уж терзался, любя,
Горя, полыхая и тлея!

Не нужен ни год, ни число,
Нет в датах ни смысла, ни проку!..
Давай всем столетьям назло
Свою установим эпоху!

«Мы сблизились быстро и смело...»

Мы сблизились быстро и смело,
Как будто бы знали давно.
Чья высшая воля слетела
В открытое наше окно?

За что нам такая награда, —
Без долгих свиданий и мук
Нам было достаточно взгляда,
Улыбки, пожатия рук!

Пусть люди не судят нас строго
(Ведь толки людские грубы!).
Мы сами – всеильные боги,
Владыки упрямой судьбы!

«Хотите знать итог...»

Хотите знать итог?
Все выводы готовы:
Поэт – не автор строк.
Любовь – владыка слова!

Она диктует нам
Слова особой силы.
Она нас вводит в храм
Нетленного светила.

Она добавит прыть,
Коль малодушен с детства,
Прикажет покорить
Вершины Эвереста.

И вдруг, как в вешем сне,
Чтоб досыта потрафить,
Подарит щедро мне
Букет лучей-метафор!

Есть у любви черта —
Ей скорлупа враждебна,
Важна ей широта,
Ей по сердцу безбрежность.

Ей свойственно весь мир
Держать в своих объятьях.
Кто скажет: «Это миф!» —
Тому не верьте, братья!

Прощай, двадцатый век!

*Двадцатый век... Ещё бездомней,
Ещё страшнее жизни мгла
(Ещё чернее и огромней
Тень Люциферова крыла!).*

А. Блок

Обращение к поэту

Встань! Пробудись! Подними задремавшее веко, —
Совесь поэта глухими ночами не спит:
Боль – ключевые проблемы двадцатого века —
Войны, компьютер, репрессии, атом и СПИД!

Век изваял тебя с тщаньем, любовью, терпеньем,
Ты – средоточье пороков его и побед.
Слушай, поэт, заплати ему дань откровеньем, —
Пусть рассуждает досужий: где – правда, где – бред!

Как всё вместить, оценить, пережить и усвоить?
Как не согнуться под тяжестью новых лавин?
Можно ль смотреть равнодушно, как гибнет живое,
И процедить с неохотой: «Ну что ж! Се ля ви!»

Вступление

Век камня, век бронзы, век пара...
Двадцатый – не век ли ума?
Гроссмейстеры смотрят устало,
Познавши компьютерный мат.

Машина, которую создал
В подмогу себе человек,
Вдруг стала соперником грозным,
Его одолев интеллект.

Век разума? Вряд ли такое
Запишешь столетью в итог:
Век, сроду не знавший покоя,
Век бунтов, коллизий, тревог.

Задачу не смог одолеть я
(Задача другим не чета!):
Какой же феномен столетья
За символ его почитать?

Любыми масштабами мерьте
(Наука, искусство, прогресс), —
Но власть необузданной смерти
На век наложила свой крест!

Бесчисленных войн мясорубка,
И казней бесовский разгул!..
О, где ты, Пикассо голубка,
В каком воспалённом мозгу?

Век смерти, разливший рекою
Всемирную грусть и тоску.
Не зря ты дрожащей рукою
Чернобыль приставил к виску!

Что скажет грядущее вече?
Кто будет озлобленно рад,
Что суть твою увековечил
Малевича чёрный квадрат!

А может, не так уж всё худо?
Взгляни, – мир чудесен и свят!
Светлеть, без сомнения, будет
Малевича чёрный квадрат!

И всё же могу сожалеть я
(Набухни слезою строка!),
Что третьему тысячелетью
Досталось проблем на века!

Но мне до восторга отратно,
Что люди на свете живут
Семьёю шестимиллиардной
И жизнь атакует нещадно
Безжалостной смерти редут!

Пусть время – искуснейший лекарь!
Но память! Что делать с тобой?
По вехам двадцатого века
Иду стихотворной тропой!..

1900 г.
Давление света

Начало века... Самый первый год, —
Профессор Лебедев открыл давление света,
Но свет для века – как запретный плод:
Давление тьмы на всё наложит вето!

1903 г. Последний бал

Третий год от начала века,
В Петербурге – последний бал².
Для столичной знати – утеха!...
Только, право ж, никто не знал,
Что балам не бывать отныне,
Что не те времена грядут...
Зимний вечер. Синее иней.
Их величеств к началу ждут.

Бал пройдёт с размахом и помпой, —
Слух аукнется по стране,
Но уже эпохальный компас
Двинул стрелку к слову «Конец»!

² Балы в Зимнем дворце продолжались до 1914 г. Здесь имеется в виду бал, который давала царская семья.

1904–1905 гг. Война с Японией. Расстрел демонстрации

Расстреляли лояльное шествие,
Спор с Японией – новое бедствие.
И кровавой Ходинки явление
Посчитали предтечей падения.
Трон качнулся и треснул, но выстоял, —
Государь, знать, молился неистово!

1913 г. Трёхсотлетие Дома Романовых

«Возшед на прародительский престол
Державнейшим указом соизволил...»,
Чтоб воцарился праздничный восторг,
Чтоб быть парадам, балам и застольям,
Поскольку правит ровно триста лет
При помощи Всевышнего Россией
Династия Романовых, и нет
Другой такой сопоставимой силы!..

Рождались и дразнились миражи, —
Четыре года оставалось жить!

1917 г. Революция

Мудрец! Современный Конфуций!
Ответь, объясни, просвети:
В чём кроется суть революций,
Что нынче у нас не в чести?

Стихия? Коллизия духа?
Жестокая смена эпох?
А может быть, просто проруха,
Всеобщий болезненный вздох?

И что изменяется в корне,
Когда совершатся они?
Примчат ли тачанки и кони
Народу счастливые дни?

Никто перемен не оспорит,
Но вычерпай правду до дна:
Кому-то она и опора,
Но слишком высока цена!

1923 г. Корабль мудрецов (1 января 1923 г.)³

Корабль мудрецов отходит от причала.
Без маршей и речей, лишь тихо ноет грудь...
Молчанье как пароль, – в тумане и печали
Корабль мудрецов в Европу держит путь.

О, сколько он набрал немыслимого груза:
В каютах интеллект на сотни тысяч тонн!..
В России с давних пор свободный ум – обуза,
Так издавна велось, так будет и потом!

Никто не пожелал большой воды под килем,
Никто не погрозил на берег кулаком.
За что их гонят прочь? От силы иль бессилья?
Неужто тайный рейс одобрил сам нарком?

Чужбина встретит их, им даст приют Сорбонна,
Оценит блеск речей и мыслей глубину, —
Всё будет, но, Бог мой, Россия не свободна, —
Россия как жила, так и живёт в плену!

Рахманинов! Прелюд! Божественные звуки
«Оттуда» иногда к нам ветры донесут!
И к бунинской строке в года лихой разлуки
Ты обратишься вновь, твердя про Божий суд!..

Чем станет этот мир – жестокий и безбожный
Под новым каблуком, под именем другим?..
Над Питером закат играет гимн тревожный,
На погребальный марш походит этот гимн!

³ В этот день по распоряжению властей были высланы из России выдающиеся философы – С. Булгаков, Н. Бердяев, Н. Ильин и др. Всего было три «философских» теплохода.

1929 г. Год великого перелома

Сочетание слов знакомо:

«Год великого перелома»...

Чуть ни с детства вбивали в мозг —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.